

0724886-1

На правах рукописи

БОЯРЧЕНКОВ ВЛАДИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ

**КОНЦЕПЦИЯ МЕСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ
В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
40-60-х гг. XIX ВЕКА.**

Специальность: 07.00.09 – Историография, источниковедение,
методы исторических исследований

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

0000975758

Москва 2001

Работа выполнена на кафедре Древней и средневековой истории Отечества Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор А.А. Севастьянова

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Л.В. Кошман
доктор исторических наук,
профессор М.П. Мохначева

Ведущая организация: Московский педагогический
государственный университет

Защита состоится «18» января 2002 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.03. при Российском государственном гуманитарном университете.

Адрес: г. Москва, Миусская пл., д.6, Российский государственный гуманитарный университет

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Российского государственного гуманитарного университета

Реферат разослан «18» декабря 2001 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук,

Барышева Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

40-60-е гг. XIX в. представляют собой особый и в то же время внутренне цельный период в развитии русской историографии. Это время создания обобщающих концепций русской истории. Более других известны государственническая и славянофильская концепции. Теории Костомарова и Шапова, появившиеся в эти же годы, не так известны. Между тем, они тоже претендовали на целостное видение русского исторического процесса.

Вполне естественно, что, появившись почти одновременно, все эти концепции стремились утвердить свое первенство в науке. Однако судьбы этих построений были неодинаковы. Отдельные их аспекты получили впоследствии большее признание в науке, другие были отвергнуты в результате всесторонней обстоятельной критики и преданы забвению.

Концепция «местного саморазвития» 40-60-х гг. XIX в. как обобщающая теория русской истории оказалась на периферии исторической науки и, не встретив ни всеобщего признания, ни серьезной критики в свой адрес, поневоле осталась в том разделе историографии, где научные гипотезы и теории еще только ждут суда историка, чтобы быть, наконец, востребованными или, напротив, навсегда пополнить собой список заблуждений исторической мысли. Настоящее исследование посвящено выявлению концептуальных основ этой теории, без чего невозможна полноценная оценка ее научной значимости.

Актуальность изучения концепции «местного саморазвития» обусловлена в первую очередь потребностью теоретического осмысления местно-исторической проблематики, которая остро ощущается в настоящее время. Аналогичные попытки в прошлом, среди которых Шапову и его единомышленникам принадлежит, бесспорно, одна из самых ярких, вполне закономерно обращают на себя внимание современных исследователей. С другой стороны, не может считаться адекватным изображение историографической ситуации середины XIX в. с характерными для нее обобщающими концепциями без такого ее аспекта, как осмысление этими концепциями местной истории. Итак, настоящее исследование призвано расширить традиционную для историографии тенденцию характеристику определенной и весьма значительной эпохи в истории русской исторической мысли. Вместе с тем, оно ставит задачу уяснить воззрения видных ее представителей в области теории местной истории, поскольку изыскания

в этой области, не прекратившиеся и поныне, отмечены постоянным стремлением обращаться к опыту предшественников.

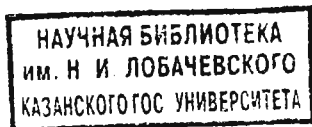
Объектом исследования является теоретическое осмысление феномена местной исторической жизни в научном наследии историков 1840-х — 1860-х гг.

Предметом настоящего исследования является, таким образом, историческая концепция, созданная в 1850-е—1860-е гг. А.П. Шаповым, Н.И. Костомаровым, П.В. Павловым, К.Н. Бестужевым—Рюминым, Д.И. Иловайским и С.В. Ешевским, нацеленная на осмысление местной исторической проблематики в контексте общероссийской, а именно: предпосылки ее возникновения, становление этой научной концепции и ее дальнейшая судьба в российской историографии XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую и третью четверти XIX в., преимущественно 1850-е—1860-е гг., когда концепция «местного саморазвития» сложилась в единое целое. Явления, выходящие за пределы указанных рамок, рассматриваются как причины и следствия тех процессов в исторической мысли, которые происходили в середине XIX в.

Историография темы. Изучение концепции местного саморазвития 40-60-х гг. XIX в. началось практически одновременно с ее складыванием. Свообразным прологом к изучению концепции «местного саморазвития» середины XIX в. можно считать рецензию Ап. А. Григорьева на монографию Н.И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада ...» (1863)¹. В ней впервые было подмечено сходство в воззрениях Шапова, Костомарова, Павлова, Иловайского на местную историю. Материалы других работ Григорьева этого времени позволяют предполагать, что сходные мотивы привлекали внимание критика к статьям Бестужева—Рюмина. В этой тенденции критик усмотрел возможности для складывания новой исторической школы, которую он условно назвал «школой федералистов». Это название, как увидим, было выбрано неудачно, но гораздо важнее, что в рецензии Григорьева интерес к местной истории выделен как существенный момент в исторических воззрениях целого ряда исследователей, на этой основе продемонстрирована общность в их устремлениях и, наконец, сделана попытка поместить эту новую общность в широкий историографический контекст. И хотя все это было сделано в самых общих чертах, с тех пор история исторической мысли почти не знает примера та-

¹ Григорьев А.А. [рец. на:] Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. — СПб., 1863. Т. 1—2 // Время. 1863. № 1. С. 97—101, 129—130.

кой работы, где все три отмеченные Григорьевым момента получили бы такую единую и цельную трактовку, как в этой рецензии.

Отчасти последующая задержка в освоении темы объясняется тем, что идеи Аполлона Григорьева о новой исторической школе федералистов, высказанной в 1863 г., так и не суждено было реализоваться. В дальнейшем между всеми историками, которых он объединил под этим именем, становилось все меньше и меньше общего, и это общее все реже имело отношение к местной истории, а тем более к федерализму. После 1863 г. нет оснований считать федералистами Шапова, Иловайского, Павлова и Бестужева–Рюмина, причем последний в 1872 г. открыто присоединяется к оппонентам федеративной теории Костомарова. В конце 1860-х гг. о федерализме применительно к русской истории продолжал говорить только Костомаров, что существенным образом повлияло на складывание историографической традиции, связанной с этим термином. Имена других историков к 1880-м гг. устойчиво ассоциировались с проблематикой, весьма далекой от местной истории, а из наиболее широких трактовок последней историографами вспоминалась почти исключительно костомаровская теория

М.О. Коялович в 1884 г. среди разработчиков этой теории видит только малороссийских историков, работы Шапова, Бестужева–Рюмина, Павлова и Иловайского рубежа 1850-х–1860-х гг. вообще выпадают из поля его зрения. П.Н. Милюков в своем курсе по русской историографии 1886/1887 г., касаясь направлений русской исторической мысли 1860-х гг., выделяет среди них три основных – реалистическое, федеративное и либеральное, причем последние два оставляет без рассмотрения. Примечательно здесь то, что Шапов во вторую половину 1860-х гг. вполне обоснованно характеризуется Милюковым как представитель реалистического направления, тогда как взгляды историка начала 1860-х гг. он считает близкими славянофильским. Он совсем ничего не говорит о федерализме Шапова и его интересе к местной истории, хотя в действительности работы историка этих лет буквально переполнены и тем, и другим. Что же касается федеративного течения, то можно только предполагать, кого же, кроме, разумеется, Костомарова, Милюков считал его представителями².

Расплывчатость в понимании «федеративной теории» и «федеративного направления» у Кояловича и Милюкова, по сравнению с

² Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – Минск, 1997. С. 488–503; Русская историография. Лекции, читанные П.Н. Милюковым в I-м полугодии 1886/1887 года [М., 1887]. С. 280.

тем же Григорьевым, вероятно, объясняется еще и политическими мотивами.

В последующие четыре десятилетия историки оставались в основном в кругу этих представлений. Изучение научного наследия Шапова, Костомарова, Бестужева—Рюмина, Иловайского, Павлова и Ешевского, как, впрочем, и других их современников, обходило стороной их увлечение местной проблематикой. Только подъем краеведческого движения в 20-е гг. уже XX в. заставил исследователей по-новому взглянуть на идеи Шапова и его единомышленников.

Зачатки этого нового взгляда на местную проблематику можно увидеть уже в пособии по источниковедению и историографии русской истории В.И. Пичеты, где одна из небольших главок посвящена т.н. «областному направлению»³. В ней он упоминает о первоклассных работах по местной истории второй половины XIX в., которые, правда, оставались в тени, поскольку «централистические тенденции в науке все-таки преобладали». В собственно историографическом плане очерк Пичеты означал только самые общие указания на проблему. Ни корни «областного направления», ни его судьбы не были представлены в нем должным образом. Поэтому взгляды Шапова рассматриваются им вне всякой связи с историей «областного направления», а об аналогичных поисках его современников даже не упоминается.

В 1926 г. М.И. Успенский пытается выяснить значение трудов Шапова для теории и практики краеведения. В построениях историка 1860-х—1870-х гг. он находит много созвучий поискам современных ученых. Вместе с тем, Успенский трактует краеведение очень широко, так что собственно исторический его аспект оказывается где-то в тени. Главное для него — изучение местных условий в хозяйственных целях. Поэтому его привлекают больше поздние, сибирские работы Шапова, где местная проблематика освещается преимущественно с этой стороны, а не историческая сторона концепции «местного саморазвития», которой тот занимался в основном в конце 1850-х—начале 1860-х гг.⁴

Более глубокой постановкой вопроса отличается статья С. Архангельского 1927 года, посвященная «локальному методу» в историографии. На основании работ Шапова 1861—1862 годов здесь, хотя

³ Пичета В.И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). — М., 1923. — С. 147-149.

⁴ Успенский М.И. Краеведение в сочинениях А.П. Шапова // Краеведение. 1926. № 3. С. 317—328.

и в общих чертах, изложена его концепция так, что видны открываемые ею перспективы для местного исследования. В то же время ничем не обоснован тезис автора о том, что эта концепция была результатом усвоения Щаповым идей Маурера. Ни один из известных источников не дает ни малейших подтверждений этой мысли. Более того, очень слабое владение иностранными языками было для Щапова серьезным препятствием для знакомства с трудами немецкого историка. Эта ссылка на Маурера, несомненно, помешала постановке вопроса об истоках концепции «местного саморазвития» в предшествовавшей Щапову традиции отечественной исторической мысли.

К тому же, к прямым последователям казанского историка Архангельский готов отнести едва ли не всех исследователей, разрабатывавших местные сюжеты в конце XIX—начале XX века и даже Д. И. Иловайского с его «Историей Рязанского княжества», опубликованной в 1858 году, то есть тогда, когда Щапов только начинал формулировать свою теорию в академических лекциях. О Бестужеве—Рюмине, Костомарове, Епшевском и Павлове вообще не сказано ни слова, как и о дальнейшей эволюции самого Щапова⁵.

И все же, можно определенно сказать, что признание казанского историка в качестве предшественника исследователей, ведущих поиски в области теории местной истории в 1920-е гг. состоялось. Поэтому не случайно Н. К. Пиксанов в качестве эпиграфа к своей книге «Областные культурные гнезда» (1928), подводившей некоторые итоги и намечавшей новые рубежи в освоении этой проблематики, взял именно щаповские слова: «Начало, которое еще не создано ясно в нашей науке: начало областности», а среди вопросов, требующих изучения, он назвал и такой: «роль областничества в научно-исторических построениях А. П. Щапова»⁶.

Разумеется, все указанные недостатки работ Пичеты, Успенского и Архангельского проистекали от новизны поставленной проблемы, масштабы которой, очевидно, значительно превосходили возможности двухстраничных очерков и журнальных статей в половину печатного листа. Вряд ли можно упрекать историков—краеведов 1920-х годов в том, что более серьезное исследование истории «локального метода» и щаповской концепции в русской исторической науке тогда так и не состоялось. Слишком хорошо известны обстоятель-

⁵ Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 185–186.

⁶ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. — М.-Л., 1928. — С. 9, 122.

ства, помешавшие им выполнить эту и многие другие задачи. Так или иначе, эта линия научного освоения данной проблемы оказалась на долгие годы прерванной.

В советской историографии, начиная с 1930-х гг. стал преобладать анализ не столько научного наследия историков, сколько общественно—политических результатов их деятельности. В связи с этим попытки осмысления местной проблематики в 40-60-х гг. XIX века почти совсем выпали из поля зрения исследователей. Дело в том, что сама проблема местной истории занимала крайне неопределенное и уж во всяком случае не решающее место на арене борьбы революционно—демократического, либерально—буржуазного и официально—охранительного течений, в виде которой обычно изображалась историческая наука этого периода. В самом деле, непросто было сказать, что же мешало заниматься местной историей ученому, настроенному консервативно, или либерально, или революционно, и в чем именно заключалась общественно—политическая прогрессивность или, наоборот, реакционность таких занятий. Пестрота примеров из истории науки середины XIX века скорее запутывает, чем проясняет этот вопрос.

Зарубежная историография во второй половине XX века, по крайней мере, дважды обращалась к изучению данной проблемы. Так, американский исследователь А.Г. Мазур целый раздел своей книги «Современная русская историография» обозначил как «Федеративная идея в русской историографии». Сторонниками этой идеи он называет тех «немногих, очень немногих, кто отваживался показывать, что не все дороги вели в Москву». На деле Мазур готов включить в этот список и такого далекого от всякого федерализма ученого, как М.А. Максимович, и сибирских областников, которые видели федерацию не в прошлом, а в будущем России⁷. Вряд ли стоит рассматривать этот очерк, построенный на довольно поверхностном знакомстве с предметом, как серьезную попытку вдохнуть новую жизнь в неоднократно доказывавший свое неудобство термин «федеративная теория».

Гораздо большего внимания заслуживает монография другого американского исследователя С.Ф. Старра, один из параграфов которой так и называется - «Поиски провинциального прошлого». К этому сюжету он обращается в ходе работы над проблемой децентрализации и самоуправления в России в середине XIX века. К бесспор-

⁷ Mazour Anatole G. *Modern Russia Historiography*. — Princeton, 1958. P. 146, 152, 163—169.

ным достижениям этого историка следует отнести его наблюдения о большой близости в исторических взглядах Костомарова, Щапова и Бестужева—Рюмина на рубеже 1850-х—1860-х годов, констатация им почти всеобщего повышенного интереса к провинциальной жизни, в том числе к ее прошлому, который был характерен для эпохи «великих реформ». Вместе с тем, постоянно дает о себе знать отсутствие у Старра специальной подготовки в области русской историографии. Все значение идей этих историков он склонен объяснять атмосферой общественного ажиотажа вокруг готовящейся реформы местного самоуправления. Когда же, к 1864 году, страсти улеглись, судьба этих идей, по Старру, была предопределена — они потеряли свою привлекательность и для тех, кто их выдвигал⁸. Ясно, что при таком подходе невозможна сама постановка вопроса о научном значении концепции «местного саморазвития». И все же, достоинства этого очерка слишком велики, чтобы можно было по-прежнему пренебрегать им при решении историографических проблем.

Тем временем, в отечественной исторической мысли только с 1980-х гг. вновь стали складываться предпосылки для изучения истоков теоретического осмысления местной исторической проблематики.

Прежде всего, здесь стоит отметить работы, в центре которых оказались провинциальные сюжеты, имевшие в то же время и общероссийское значение. Это монография Х.С. Булацева, посвященная крупнейшим провинциальным периодическим изданиям 1860- 1870-х гг., и книга О.Г. Ласунского, рассматривающая литературную жизнь воронежского края в эпоху «великих реформ»⁹. Другой важной вехой в этом процессе была начавшаяся во второй половине 1980-х гг. реабилитация местных исторических изысканий 1920-х гг., которые получили новую оценку в концепции «золотого десятилетия» отечественного краеведения С.О. Шмидта.

Вполне естественно, что переосмысление наследия 1920-х гг. означало и возвращение к тому кругу проблем, которые были тогда поставлены, но не решены. Отсюда - возрождение интереса к концептуальным поискам историков к 40- 60-х гг. XIX в. в области осмысления местной истории. Это произошло уже в 1990-е гг., когда появилось сразу несколько работ, где вновь прозвучала эта хорошо забы-

⁸ Starr S. Frederick. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. — Princeton, 1972. P. 90—106, 337—339.

⁹ Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати. — Л., 1981; Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (воронежский край в «эпоху Чернышевского»). — Воронеж, 1985.

тая тема. Примечательно, что все авторы этих работ ставили перед собой задачи, на первый взгляд, весьма далекие от истории русской исторической мысли середины XIX века. Так, В.Н. Козляков обращается к историографии за подтверждением своей мысли о наличии в русской истории, помимо «государственной», «централизаторской», «московской» (которые, в сущности, являются разными наименованиями одного и того же), еще и земской тенденции. Это приводит его, в том числе, к идеям Шапова. А.А. Севастьянова в ходе рассмотрения историографических предпосылок, позволяющих ставить вопрос о провинциальной историографии XVIII века, приходит к выводу, что областническая теория А.П. Шапова является «идеей общетеоретического плана, вполне приложимой к провинциальному историческому творчеству», сожалея, вместе с тем, что эта теория была слабо усвоена исторической мыслью второй половины XIX века. С.А. Гомаюнов в статье и книге, посвященных проблемам методологии местной истории, опубликованных в одном и том же, 1996 году, обращается в том числе к истории отечественного краеведения, где, по его словам, «не все еще пока очевидно». Гомаюнов признает, что ему «о многом приходится говорить в самых общих чертах из-за отсутствия серьезных историографических разработок». О прямом возрождении шаповской концепции здесь, впрочем, речи не идет – автор больше полагается на синергетику, что, правда, не мешает ему и здесь находить точки пересечения со Шаповым¹⁰.

Словом, историографию изучаемой проблемы трудно представить в виде единой непрерывной традиции. Были периоды, когда концепция «местного саморазвития» привлекала пристальное внимание исследователей, но неблагоприятные обстоятельства помешали появлению монографической работы, которая своим масштабом соответствовала бы серьезности проблемы. В другие времена эта концепция расценивалась как нечто второстепенное, хотя никогда не оспаривалось ее научное значение и необходимость ее серьезного изучения. Более того, в настоящее время особенно остро ощущается потребность в таком исследовании, которое прояснило бы смысл теоретических исканий историков середины XIX века в области осмысления местной исторической проблематики. Без этого не будут полны наши представления об историографической ситуации той эпохи в целом и о научном вкладе ее отдельных представителей.

¹⁰ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 159, 162–163; Он же. Проблемы методологии местной истории. – Киров, 1996. С. 12–13, 22, 60.

Источники исследования. Источниковая база настоящего исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные материалы. Последние извлечены из фондов пяти архивов Москвы, Санкт–Петербурга и Казани (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом), Национальный архив Республики Татарстан, Отдел рукописей и редкой книги Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ).

Комплекс использованных в данной диссертации источников – это материалы личного происхождения, в основном, опубликованные: творческие тексты историков, произведения эпистолярного и мемуарного жанров, а также периодика. Концепция «местного саморазвития» нашла свое наиболее полное и яркое выражение в книгах, диссертациях, журнальных и газетных статьях, рецензиях и лекциях, мемуарах и письмах, принадлежащих перу Щапова, Бестужева–Рюмина, Костомарова, Павлова, Иловайского и Ешевского, а также их оппонентов, предшественников и последователей. Многие из этих материалов содержатся в редких ныне экземплярах периодических изданий.

1) *Творческие тексты историков 1840-1860-х гг.* образуют главную группу источников, используемых в настоящем исследовании. Эта группа наиболее разнообразна по формам входящих в нее материалов: монографии, диссертации, статьи, рецензии, аннотации, лекции, некрологи. Анализ именно этой группы источников посвящена основная часть данной диссертации. Большая часть этих материалов опубликована. Архивные материалы из фондов Аксаковых, редакции «Современника», Казанской духовной академии, Цензурного комитета, в основном, уточняют и дополняют отдельными штрихами картину, воссоздаваемую по опубликованным текстам историков.

2) *Источники эпистолярного жанра*, использованные в настоящей диссертации, представлены письмами Щапова, Павлова, Погодина, Иловайского и К.В. Лаврского. Второстепенное значение этой группы источников обусловлено самим предметом исследования, – письмо не самая удобная форма для формулировки и изложения научной концепции, а также логикой складывания концепции «местного саморазвития»: кроме Костомарова и Павлова, ее сторонники были молодыми историками, не имевшими прочных связей в научном мире, а взаимоотношения Костомарова и Павло-

ва были осложнены противоречивыми и запутанными обстоятельствами академической карьеры того и другого. Вместе с тем, письма являются незаменимым источником для выявления тех личных контактов между учеными, о которых в других источниках не сохранилось никаких сведений.

3) Источники *мемуарного* жанра представлены в настоящем исследовании воспоминаниями Костомарова, Иловайского, Н.Я. Аристова, П.В. Знаменского, С.С. Шашкова, В.Г. Авсеенко, А.В. Романовича-Славятинского, В.О. Португалова. Отдельно следует упомянуть дневниковые записи И.Смирнова, вкрапленные в его воспоминания о Казанском университете.

Вспомогательный характер этой группы источников обусловлен характером сохранившихся мемуаров и задачами настоящего исследования. Воспоминания создателей концепции местного саморазвития и их учеников дают возможность уловить изменения в их отношении к местной исторической проблематике. Но смысл этих изменений выясняется только из творческих текстов историков. В целом же, мемуарная литература может быть использована при обрисовке общего историографического фона, на котором создавалась концепция местного саморазвития.

4) Привлечение материалов *периодики* позволяет понять, какое место занимала концепция «местного саморазвития» в научной и общественной жизни середины XIX века. Взгляды Щапова и его единомышленников в основном доносились со страниц периодических изданий. С этой целью были проработаны материалы не только тех журналов и газет, где постоянно сотрудничали интересующие нас историки («Отечественные записки», «Век», «Очерки», «Московское обозрение», «Московские ведомости»), но и большинства наиболее крупных изданий 1840–1870-х годов: журналов «Библиотека для чтения», «Время», Журнала министерства народного просвещения, «Колокол», «Москвитянин», «Русская беседа», «Русский Вестник», «Русское слово», «Современник», «Эпоха»; газет «День», «Голос», «Неделя», «Санкт–Петербургские ведомости», «Современная летопись» и других. Ежегодные «Отчеты о действиях Императорского Русского географического общества» помогли установить факт участия многих историков в работе этого общества и в его мероприятиях по изучению местных вопросов. Привлечение всех этих материалов существенным об-

разом повлияло на ход данного диссертационного исследования и на его результаты.

Несмотря на все значение периодики, произведений мемуарного и эпистолярного жанра, главными для истории концепции «местного саморазвития» являются все же творческие тексты ученых середины XIX века. Основная часть этих источников уже введена в научный оборот, но все вместе для задач одного исследования они привлекаются впервые.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью настоящего исследования является изучение концептуального оформления местно–исторической проблематики в составе общей теории русского исторического процесса в 40 – 60-е гг. XIX в.

Достижение этой цели возможно при решении ряда историографических задач более частного характера: а) выявления основных категорий, необходимых для концепции «местного саморазвития» в их конкретно–историческом происхождении и развитии, б) анализа научных предпосылок, обусловивших их складывание в единую концепцию, и основных моментов этого процесса, в) выяснения содержания этой концепции и ее потенциальных возможностей для изучения местных исторических вопросов в контексте общероссийской истории.

Методы исследования. Наиболее перспективным для решения задач данного исследования представляется историко–генетический метод, распространенный в области «истории идей», поскольку он позволяет проследить преемственность в становлении концепции, начиная от ее истоков до окончательных фаз в ее развитии, не оставляя в стороне и достигнутые промежуточные результаты. Для соотнесения концепции «местного саморазвития» с ее историографическим и общим историческим контекстом использован также историко–сравнительный метод.

Научная новизна работы обусловлена тем, что она представляет первую попытку обобщающего исследования исканий русских историков 40 –60-х гг. XIX в., направленных на концептуальное осмысление местной проблематики в контексте общероссийского исторического процесса. В отличие от предшествующих работ, главная заслуга которых состоит в указании на данную проблему, настоящая диссертация впервые:

– показывает значение учения о «местном колорите», теорий государственников и славянофилов для оформления концепции «мес-

тного саморазвития», то есть рассматривает эту концепцию в определенном историографическом контексте;

– отмечает большую близость во взглядах на значение местной истории в общероссийском историческом процессе на рубеже 1850 – 1860-х гг. между Шаповым, Бестужевым-Рюминым, Павловым, Костомаровым, Иловайским и Ешевским, почти одновременно пришедшими к выводу о несостоятельности обобщающей концепции русской истории без учета местно-исторических начал, причем это положение подкреплено наблюдениями по поводу почти одинаковой терминологии, используемой этими историками;

– отход этих ученых от концепции «местного саморазвития» и некоторое снижение ее актуальности, происшедшее в середине 1860-х, объясняется сложным переплетением научных и общественно-политических факторов. В научном плане судьба концепции «местного саморазвития» представлена на фоне столкновения органического принципа, лежащего в ее основе, и наступавшего в то время позитивизма. Общественно-политическая обстановка эпохи рассматривается с точки зрения ее соответствия или несоответствия основаниям концептуальных построений ученых;

– в научном наследии Шапова и его единомышленников указываются те существенные моменты, которые сохранили свою актуальность не только для их непосредственных преемников, но и для последующих поколений исследователей местной исторической проблематики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в последующих научных трудах по историографии; в педагогических целях для преподавания курса историографии отечественной истории, специальных курсов, проведения семинарских и практических занятий в вузах. Кроме того, результаты и выводы настоящего исследования могут быть востребованы современными исследователями местной истории, нуждающимися в концептуальном опыте предшественников.

Апробация результатов работы. Основные положения исследования изложены в статьях и опубликованных тезисах докладов, прозвучавших на конференциях различного уровня в 1999-2001 гг. (Рязань, Ярославль, Саратов, Москва).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяются ее цели и задачи, методологические основы, дается характеристика состояния научной разработки проблемы и источников исследования.

В первой главе («Местная проблематика в концепциях русской истории 1840- начала 1850-х гг.») обрисовывается ситуация в послекарамзинской историографии в тех ее аспектах, которые в последующем благоприятствовали складыванию концепции местного самоуправления.

В первом параграфе рассматривается опыт осмысления местной исторической проблематики в русской исторической мысли второй четверти XIX в. В эти годы довольно прочный уже интерес научной общественности к местной исторической жизни получил дополнительный стимул в виде учения о «местном колорите», следы влияния которого в разное время проявились в деятельности и творчестве П.М. Строева, М.П. Погодина, В.В. Пассека, И.И. Срезневского, М.А. Максимовича, ряда других ученых. Это учение ориентировало исследователей на поиски черт своеобразия различных местностей, что, несомненно, способствовало открытию мира российской провинции во всей его несхожести с миром столиц. Особое значение в связи с этим приобретает практика путешествий и поездок, в ходе которых осуществляется знакомство ученых с историческими местностями. Вместе с тем, сторонники учения о «местном колорите», нацеленного, в конечном счете, на решение задач художественного, а не научного творчества, были склонны предавать местному сюжету самодовлеющее значение и редко заботились о размещении его на более широком историческом полотне. Таким образом, весьма далекий от концептуальных обобщений интерес к местной истории, оживший во второй четверти XIX в., стал тем общим фоном, без которого было немыслимо возникновение концепции местного самоуправления.

Во втором параграфе выясняется значение местной проблематики в славянофильской концепции русской истории. Обобщающий характер построений А.С. Хомякова, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина позволил им увидеть не просто многочисленные черты местного своеобразия, как это было у последователей учения о «местном колорите», но носителя всех этих качеств – общину, сельс-

кую и городскую, и землю, как целое, образуемое совокупностью этих общин. При всем различии оттенков в понимании славянофилами общинного и земского быта, для них была общей трактовка его неподвижности как свидетельства осуществленного в истории общественного идеала. Это приводило славянофилов к игнорированию или односторонне отрицательной оценке многочисленных аспектов местной жизни, что, впрочем, нередко преодолевалось ими на путях конкретно-исторического исследования, например, в работах И.Д. Беляева.

В третьем параграфе говорится о понимании местной истории в концепции «государственно-юридической школы», которая, в отличие от славянофильской, заостряла внимание на динамике русского исторического процесса. Однако поскольку источником этого динамического развития С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и их последователи признавали исключительно государственное начало, местная история оказывалась на периферии их построений. Согласно точке зрения «государственно-юридической школы», местная историческая жизнь в России опиралась на догосударственные элементы общественного устройства, вместе с которыми и была поглощена в ходе развития государственности. В то же время, решение конкретных задач исторического исследования подчас заставляло последователей «государственно-юридической школы» признавать большее значение общины и земства и в эпоху господства государственного быта.

Таким образом, 1840-е гг. явились своеобразным рубежом, ознаменовавшим начало активных поисков места провинциальной истории в контексте общероссийской. Если в 1820-е—1830-е гг. историческая наука в лице своих столичных деятелей могла обходить эту проблему стороной или предаваться восторгам по поводу пестроты и многообразия местной исторической жизни, не обязывающим к каким-либо концептуальным обобщениям, то в 1840-е—1850-е гг. создаются концепции русской истории, отмеченные стремлением вобрать в себя и местно-историческую проблематику. Результаты поначалу оказались противоречивыми. Динамичный ход русской истории, в изображении «государственно-юридической школы», шел в основном мимо местной истории, стирая ее особенности и обезличивая проявления. За пределами славянофильской концепции оказывались многие весьма существенные аспекты местной исторической жизни, прежде всего вопросы историко-правового характера. Неослабевающий интерес к местной

проблематике на протяжении всей второй четверти XIX в. служил залогом последующего преодоления этих односторонних и взаимоисключающих подходов.

Вторая глава («Историческая мысль на путях к концепции местного саморазвития») посвящена анализу попыток ученых пересмотреть прежние оценки местной исторической проблематики. В первом параграфе рассматривается переход Н.И. Костомарова от своей первоначальной трактовки местной истории в духе учения о «местном колорите» к своеобразной теории «двух русских народностей». По мысли Костомарова, различное развитие местной жизни в разные эпохи русской истории было обусловлено господством отличных друг от друга народностей: южнорусской, тяготевшей к федеративному устройству, - в удельно-вечевой период и великорусской, склонной к единовластию и централизации, - в последующее время. Одновременно историк намечал обширную программу местно-исторических изысканий, без которых ответы на многие важные вопросы его теории он считал преждевременными.

В центре второго параграфа - концепция русской истории премника Костомарова в Киевском университете П. В. Павлова. Начиная как последователь теории Кавелина - Соловьева, к концу 1850-х гг. Павлов пришел к существенно иному пониманию русского исторического процесса. На первый план для него выступают теперь сословные и областные вольности, составлявшие, как он полагал, главное содержание русского средневековья. Сохранявшийся акцент на историко-юридической проблематике мешал Павлову представить цельную концепцию местной исторической жизни на всем ее протяжении. И все же его взгляд отличался значительно более глубоким пониманием значения местной истории по сравнению с подходами предшественников.

В третьем параграфе рассматриваются воззрения на местную проблематику молодых историков - Д.И. Иловайского, К.Н. Бестужева-Рюмина, и С.В. Ешевского. Все они были выпускниками Московского университета в эпоху наивысшего могущества там «государственно-юридической» школы. Тем не менее, с первых своих шагов в науке они проявляют усиленный интерес к местной истории. В «Истории Рязанского княжества» (1858) Иловайского впервые на уровне магистерской диссертации подчеркивались черты местного своеобразия, при том, что источники в данном случае предоставляли исто-

рику гораздо меньше возможностей для этого, по сравнению, скажем, с диссертацией Соловьева «Об отношении Новгорода к великим князьям» (1845).

К.Н. Бестужев-Рюмин, на рубеже 1850 – 1860-х гг. страстно полемизировавший со страниц периодических изданий с концепцией «государственно-юридической» школы, особенно часто упрекал ее за пренебрежение к судьбам местной исторической жизни, которые представлялись молодому историку более драматичными, чем Соловьеву, Чичерину и Дмитриеву.

Товарищ Бестужева-Рюмина С.В. Ешевский был далек от резкости этих упреков, но в целом стремление углубить концепцию своих университетских наставников, в том числе за счет более серьезной разработки местной проблематики, отчетливо просматривается в его работах. Не случайно Ешевского признавал своим учителем яркий нижегородский исследователь А.С. Гапский. Не вызывает сомнений факт влияния Ешевского на Щапова – создателя самой глубокой концепции местного саморазвития этого времени.

Таким образом, рубеж 1850-1860-х гг. был ознаменован появлением целого ряда близких друг другу концепций, с одной стороны, преодолевавших прежние односторонние трактовки местной истории, а с другой – все же недостаточно зрелых, чтобы вполне охватить весь круг явлений местного прошлого единым пониманием русского исторического процесса.

В третьей главе («Концепция местного саморазвития А.П. Щапова») анализируются построения этого казанского ученого. В них, как в фокусе, отразились не только достижения, но и проблемы, с которыми объективно сталкивались исследователи местной проблематики в середине XIX в. В первом параграфе показано, как происходило становление исторических взглядов Щапова до того, как он сформулировал свою оригинальную научную концепцию. По началу молодой историк, так же, как и Костомаров, Павлов, Бестужев-Рюмин, Иловайский и Ешевский, выходец из провинции, при оценке конкретных исторических явлений исходил из чичеринской теории смены частноправовых отношений государственными. Но изучение феномена церковного раскола продемонстрировало недостаточность одних юридических определений для характеристики русского средневекового общественного быта. Преодолеть влияние «государственно-юридической» школы Щапову помогло, по всей видимости, зна-

комство со славянофильскими учениями об общине и земле, общение с С.В. Ешевским, внимательным к неразработанным школой Соловьева и Кавелина аспектам русской исторической действительности.

Во втором параграфе указывается, на каких путях возможно адекватное понимание шаповской концепции, рассеянной по многочисленным и, на первый взгляд, плохо связанным между собой работам историка. Первая характерная черта наследия Щапова рубежа 1850-1860-х гг. — универсальность замыслов ученого, создававшего теорию, и одновременно отрывочность, фрагментарность в осуществлении этих замыслов. Отсюда следует необходимость реконструировать если не весь замысел Щапова, то, по крайней мере, его общий план, что представляется возможным только в результате привлечения всех текстов, имеющих отношение к этой концепции.

Другая характерная черта работ историка этих лет — попутное решение в них научных и публицистических задач — требует пристального анализа собственно научного понятийного аппарата, на котором строилась шаповская концепция. Самое первое знакомство с терминологией историка убеждает, что в основе его концепции лежала трактовка народной жизни как органической целостности, что сближало его со многими современниками. Но примечательно, что на первом плане для Щапова были отдельные «органы» этого народного организма — субъекты местной исторической жизни.

Третий параграф посвящен реконструированию воззрений Щапова на русский исторический процесс в соответствии с его пониманием исходного органического принципа. Щаповская концепция, сосредоточившая внимание на исторически сложившихся общностях, открывала широкий простор для изучения местной истории на всем ее протяжении, начиная от «поставления починка на черных лесах» финского северо-востока, вплоть до современной ученому городской и сельской провинциальной среды. Но сосуществовавшая у Щапова наряду с этой органической теорией трактовка истории русской культуры как начатого Петром I перехода от инстинктивности к рациональности, исподволь подтачивала шаповскую концепцию «местного саморазвития», основанную на органическом принципе.

В четвертой главе («Несложившаяся школа: судьба концепции «местного саморазвития» в позитивистской историографии») пред-

лагается объяснение во многом схожих судеб концепции «местного саморазвития» в наследии историков, развивавших ее на рубеже 1850-1860-х гг., и в русской исторической мысли в целом. Проведенный анализ показал как принципиальное отличие этих ученых в понимании местной проблематики от подходов «государственно-юридической» школы, славянофильства и учения о местном колорите, так и существенное сходство их взглядов по данному вопросу между собой. Более того, указанное сходство не раз давало этим историкам повод поднимать вопрос о необходимости новой исторической школы, одной из отличительных черт которой, по их мысли, должно было стать подчеркнутое внимание к проблеме провинциализма в русской истории. Нет сомнений, что многие свои планы и надежды Бестужев, Павлов, Щапов, Иловайский, Костомаров связывали именно с зарождением этой школы, которую известный литературный критик А.А. Григорьев считал уже состоявшимся фактом. Однако все эти надежды вскоре были развеяны.

Прежде всего, объединению усилий этих ученых помешали разного рода внешние препятствия: погруженность в общественно-политическую борьбу, административные преследования властей, личные амбиции отдельных историков, переход особенно интересовавшейся местной проблематикой редакции журнала «Русское слово» во главе с Григорьевым в другие руки, недостаток средств на осуществление научных проектов в фондах Русского географического общества. Но все же более существенным, как представляется, было осознание этими историками неразрешимости ставившихся ими перед наукой универсальных задач – построения обобщающей концепции русской истории средствами органического подхода, при котором частное неизбежно заслоняло собой общее. Кроме того, с появлением позитивизма выяснилось, что органического понимания истории как такового недостаточно для примирения средневековой архаики с запросами современности. К этому с середины 1860-х гг. добавилась неблагоприятная для широкой постановки вопросов местной истории общественно-политическая ситуация, которая выявила непрочность тех принципов местной исторической жизни, с которыми Щапов и его единомышленники связывали надежды на возрождение провинциализма не только в науке, но и в общественной практике. Последовавшее разочарование вольно или невольно отразилось на их дальнейших научных занятиях.

В то же время именно этим историкам местная историческая проблематика обязана своим прочным местом в русской исторической науке: они, как никто прежде, показали перспективы изучения местных сюжетов на фоне общероссийского исторического процесса и невозможность обобщающей концепции русской истории без учета местных традиций.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. Складывание концепции местного саморазвития было обусловлено всем ходом развития русской исторической мысли 1840-1860-х гг. Ее зачатки можно увидеть в учении о «местном колорите», в отдельных аспектах исторических теорий, «государственно-юридической школы» и славянофилов.

Вместе с тем, становление ее как самостоятельной концепции русской истории происходит на рубеже 1850-1860-х гг. и связано с преодолением господствовавших прежде односторонних подходов к местной проблематике. О созревшей концепции местного саморазвития позволяют говорить работы Костомарова, Павлова, Бестужева-Рюмина, Иловайского, Ешевского, Беляева и в первую очередь Щапова, появившиеся в эти годы.

Эти историки во многом определили последующие достижения в изучении местной истории. Это касается не только достоинств их трудов, но и недостатков, обусловленных обстоятельствами как научного, так и вненаучного плана. Тем не менее, учет и преодоление этих слабостей, что отчасти уже было сделано в историографии 1920-х гг., вновь делает актуальным освоение наследия Щапова и его единомышленников рубежа 1850-1860-х гг.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О генезисе земско-областной теории А. П. Щапова (по материалам ранних работ историка) // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Материалы междунар. науч. конф., 1-4 июня 1999 г. Рязань, 1999. Ч. 1. С. 145-148. 0,2 п.л.

2. Проблема местной истории в ранних работах К. Н. Бестужева-Рюмина // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова, 5-6 окт. 1999 г. Саратов, 1999. С. 40-43. 0,4 п.л.

3. Древнерусская культура в земской концепции А. П. Щапова // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27-29 авг. 2000 г., Ярославль-Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 300-304. 0,4 п.л.

4. Попытка органического построения истории русского народа в земской теории А.П.Шапова // Россия в Новое время: поиск формулы национальной истории: Материалы Российской межвузовской науч. конф. 27-28 апр. 2001 г. М., 2001. С.42-44. 0,2 п.л.

5. «История Рязанского княжества» Д.И.Иловайского в оценке А.А. Григорьева // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. науч. работ. Рязань, 2001. Т.2. С.165-170. 0,3 п.л.

6. Становление исторических взглядов А.П.Шапова (до формулировки им земской теории) // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры Древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып.1. С.13-26. 0,6 п.л.

d-